

Анна Керн

Анна Оленина

Наталья Тончарова

Ай да ПУШКИН...

Музы о поэте

Мой любимый гений

Анна Керн

Ай да Пушкин... Музы о поэте

«Алисторус»

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Керн А. П.

Ай да Пушкин... Музы о поэте / А. П. Керн — «Алисторус»,
— (Мой любимый гений)

ISBN 978-5-906861-20-7

Любая истинно творческая личность не может жить и творить без любви. Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин не был исключением: в его поэзии раскрываются бесконечно разнообразные лики любви — обнаженная чувственность, минутное влечение, романтическое томление, любовь-тщеславие, мучительная любовь к женщине несовершенной, благоговение, ревнивая тревога... Поэзия Пушкина увековечила своих героинь, но каким они запомнили великого поэта? Кем для них был Александр Сергеевич Пушкин? В книгу вошли воспоминания, письма и дневниковые записи знаменитых муз Александра Сергеевича Пушкина — А. А. Олениной, А. П. Керн и Н. Н. Гончаровой.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-906861-20-7

© Керн А. П.
© Алисторус

Содержание

Анна Петровна Керн	6
Воспоминания о Пушкине	6
Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ай да Пушкин... Музы о поэте

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Анна Петровна Керн

Воспоминания о Пушкине

Вам захотелось, почтенная и добрая Е.Н., узнать некоторые подробности моего знакомства с Пушкиным. Спешу исполнить ваше желание. Начну с начала и выдвину перед вами, еще кроме Пушкина, несколько лиц, вам очень знакомых и всем известных.

Я воспитывалась в Тверской губернии, в доме родного деда моего по матери, вместе с двоюродною сестрою моею, известною вам Анною Николаевною Вульф, до 12 лет возраста. В 1812 г. меня увезли от дедушки в Полтавскую губернию, а 16 лет выдали замуж за генерала Керна.

В 1819 г. я приехала в Петербург с мужем и отцом, который, между прочим, представил меня в дом его родной сестры, Олениной. Тут я встретила двоюродного брата моего Полторацкого¹, с сестрами которого я была еще дружна в детстве. Он сделался моим спутником и чичероне в кругу незнакомого для меня большого света. Мне очень нравилось бывать в доме Олениных, потому что у них не играли в карты, хотя там и не танцевали, по причине траура при дворе², но зато играли в разные занимательные игры и преимущественно в *charades en action*³, в которых принимали иногда участие и наши литературные знаменитости – Иван Андреевич Крылов, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол и другие.

В первый визит мой к тетушке Олениной батюшка, казавшийся очень немногим старше меня, встретившись в дверях гостиной с Крыловым, сказал ему: «Рекомендую вам меньшую сестру мою». Иван Андреевич улыбнулся, как только он умел улыбаться, и, протянув мне обе руки, сказал: «Рад, очень рад познакомиться с сестрицей». На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина⁴ и не заметила его: мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев⁵ и другие. Не помню, за какой-то фант Крылова заставили прочесть одну из его басен. Он сел на стул посередине залы; мы все столпились вокруг него, и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего Осла. И теперь еще мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес: «Осел был самых честных правил!»⁶

В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и, когда я держала корзинку с

¹ Оленина, рожд. Полторацкая, Елизавета Марковна (1768–1838) – тетка А. П. Керн, старшая сестра ее отца; была замужем за Алексеем Николаевичем Олениным (1763–1843), президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки, признанным знатоком и ценителем искусства. Дом Олениных на набережной Фонтанки, близ Обухова моста (ныне набережная Фонтанки, 101), был широко известен в Петербурге как место, где собирались виднейшие представители художественной интеллигенции – писатели, художники, актеры – разных направлений, куда стекались все новости художественной жизни столицы. Постоянными посетителями оленинских вечеров были Крылов, Жуковский, Гнедич, Батюшков, Озеров, молодой Пушкин, Кипренский, Семенова, Яковлев... Двоюродный брат А.П. Керн, племянник Е.М. Олениной и отца Анны Петровны П.М. Полторацкого, Полторацкий Александр Александрович (1792–1855) служил в гвардии, вышел в отставку в чине капитана; с 1834 года был женат на Е. П. Бакуниной, предмете первой любви Пушкина-лицеиста.

² 28 декабря 1818 года умерла Екатерина Павловна, сестра Александра I, королева Вюртембергская.

³ Шарady (фр.).

⁴ Первая встреча Пушкина с А.П. Керн в доме Олениных произошла в январе – начале февраля 1819 года.

⁵ Плещеев Александр Алексеевич (1778–1862) – друг В. А. Жуковского и А. И. Тургенева, член литературного кружка «Арзамас». Строка из басни И. А. Крылова «Осел и Мужик» (1819).

⁶ В восьмой главе романа «Евгений Онегин», строках XIV–XVI и XXX, как предполагают, Пушкину виделась графиня Наталия Викторовна Строганова, рожд. Кочубей (1800–1854); мог вспоминать он и А. П. Керн и ее мужа – генерала. Но называть конкретный прототип в данном случае вообще представляется неправомерным.

цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?»⁷ Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла.

После этого мы сели ужинать. У Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний и, разумеется, без чинов. Да и какие могли быть чины там, где просвещенный хозяин ценил и дорожил только науками и искусствами? За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание лстивыми возгласами, как, например: «Est-il permis d'être ainsi jolie!»⁸ Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарады. Спроси у m-me Керн, хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?» – спросил брат. «Je me ravise»⁹, – ответил поэт, – я в ад не хочу, хотя там и будут хорошие женщины...»

Вскоре ужин кончился, и стали разъезжаться. Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами.

Впечатление его встречи со мною он выразил в известных стихах:

Я помню чудное мгновенье,
и проч.

Вот те места, в 8-й главе Онегина¹⁰, которые относятся к его воспоминаниям о нашей встрече у Олениных:

...Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал,
К хозяйке дама приближалась...
За нею важный генерал.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязанья на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей;
Все тихо, просто было в ней.
Она, казалось, верный снимок
Du comme il faut... прости,
Не знаю, как перевести!
К ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей,
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей,
Девушки проходили тише
Пред ней по зале: и всех выше
И нос и плечи подымал

⁷ А роль змеи, как видно, предназначается этому господину? (*фр.*)

⁸ Можно ли быть такой хорошенькой! (*фр.*)

⁹ Я раздумал (*фр.*).

¹⁰ В приведенных стихах имеются по сравнению с оригиналом расхождения в пунктуации и мелкие неточности; 13-я и 14-я строки XIV строфы читаются: Du comme il faut (Шишков, прости: Не знаю, как перевести).

Вошедший с нею генерал.

....

Но обратимся к нашей даме.

Беспечной прелестью мила,

Она сидела у стола.

....

Сомненья нет, увы! Евгений

В Татьяну, как дитя, влюблен.

В тоске любовных помышлений

И день и ночь проводит он.

Ума не внемля строгим пеням,

К ее крыльцу, к стеклянным сениям,

Он подъезжает каждый день,

За ней он гонится, как тень;

Он счастлив, если ей накинёт

Боа пушистый на плечо,

Или коснется горячо

Ее руки, или раздвинет

Пред нею пестрый полк ливрей,

Или платок поднимет ей!

Прожив несколько времени в Дерпте, в Риге, в Пскове, я возвратилась в Полтавскую губернию, к моим родителям. В течение 6 лет я не видела Пушкина, но от многих слышала про него, как про славного поэта, и с жадностью читала: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Разбойники» и 1-ю главу «Онегина»¹¹, которые доставлял мне сосед наш Аркадий Гаврилович Родзянко, милый поэт, умный, любезный и весьма симпатичный человек. Он был в дружеских отношениях с Пушкиным и имел счастье принимать его у себя в деревне Полтавской губернии, Хорольского уезда. Пушкин, возвращаясь с Кавказа, прискакал к нему с ближайшей станции, верхом, без седла, на почтовой лошади, в хомуте...¹²

Во время пребывания моего в Полтавской губернии я постоянно переписывалась с двоюродною сестрою моею, Анною Николаевною Вульф, жившею у матери своей в Тригорском, Псковской губернии, Опочецкого уезда, близ деревни Пушкина Михайловского.

Она часто бывала в доме Пушкина¹³, говорила с ним обо мне и потом сообщала мне в своих письмах различные его фразы; так, в одном из них она писала: «Vous avez produit une vive

¹¹ Первое издание «Кавказского пленника» вышло в Петербурге в конце августа или начале сентября 1822 года, с портретом Пушкина, гравированным Е. Гейтманом. Первое издание «Бахчисарайского фонтана» – в Москве 10 марта 1824 года. «Братья разбойники» впервые появились в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда» на 1825 год, отдельным изданием вышли в 1827 году. Первая глава «Евгения Онегина» вышла в Петербурге 18 февраля 1825 года.

¹² Родзянко Аркадий Гаврилович (1793–1846) – автор лирических стихов и сатир, в большинстве не опубликованных. В 1818–1819 годах, служа в Петербурге в лейб-гвардии Егерском полку, был близок к декабристским кругам, состоял членом литературно-политического общества «Зеленая лампа». По-видимому, здесь он познакомился с Пушкиным, и между ними установились приятельские отношения. В 1821 году Родзянко вышел в отставку и поселился в своем богатом имении Родзянки Хорольского уезда Полтавской губернии, недалеко от Лубен, где жила у родных А. П. Керн. На протяжении 20-х годов Родзянко поддерживал сношения с Пушкиным, обмениваясь письмами и поэтическими посланиями, несмотря на то, что Пушкин был крайне возмущен выпадом Родзянко против него в сатире «Два века» (см. его письмо А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г.). О посещении Пушкиным Родзянко в его имении при «возвращении с Кавказа» нет никаких сведений, кроме сообщения Керн.

¹³ Вульф Анна Николаевна (1799–1857) – двоюродная сестра и ближайшая подруга А. П. Керн, дочь ее дяди, брата матери, Николая Ивановича Вульфа и Прасковьи Александровны, рожд. Вындомской, во втором браке Осиповой. Получив первоначальное воспитание вместе с А. П. Керн в доме их деда И. П. Вульфа в тверском имении его Бернове, она жила главным образом в Тригорском, псковском имении матери, временами наезжая в оставшееся после смерти отца тверское имение Малинки или в Петербург. В Тригорском в 1824–1825 годах она близко познакомилась с Пушкиным и увлеклась им, сохранив

impression sur Pouchkine a votre rencontre, chez Olenine; il dit partout: elle йtait trop brillante»¹⁴. В одном из ее писем Пушкин приписал сбоку, из Байрона: «Une image qui a passй devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais»¹⁵. Когда же он узнал, что я выдаюсь с Родзянко, то переслал через меня к нему письмо, в котором были расспросы обо мне и стихи:

Наперсник Феба иль Приапа,
Твоя соломенная шляпа
Завидней, чем иной венец,
Твоя деревня Рим, ты папа,
Благослови ж меня, певец!

Далее в том же письме он говорит: «Ты написал «Кохлячку, Баратынский Чухонку, я Цыганку, что скажет Аполлон?» и проч. и проч.¹⁶, дальше не помню, неверно цитировать не хочу. После этого мне с Родзянко вздумалось полюбезничать с Пушкиным, и мы вместе написали ему шуточное послание в стихах. Родзянко в нем упоминал о моем отъезде из Малороссии и о несправедливости намеков Пушкина на любовь ко мне. Послание наше было очень длинно, но я помню только последний стих:

Прощайте, будьте в дураках!

глубокое безответное чувство к нему на всю жизнь. О своем чувстве она откровенно писала поэту в 1826 году из Малинников в Михайловское (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 267–268, 270, 273–274). Письма эти – выразительные человеческие документы. Сохранились далеко не все из них. Письма Пушкина к Ан. Н. Вульф не сохранились вовсе, кроме двух шуточных записок. По-видимому, они были уничтожены самой Анной Николаевной, как и ее многолетняя переписка с А. П. Керн. Начитанная, любящая и понимающая поэзию, добрая и отзывчивая Ан. Н. Вульф прожила невеселую одинокую жизнь, будучи в постоянной материальной зависимости от матери, ее понятий и капризов. Скончалась она в Тригорском 2 сентября 1857 года. А. П. Керн допускает неточность, говоря, что Анна Николаевна «часто бывала в доме Пушкина», – конечно, не она бывала у Пушкина в Михайловском, а он постоянно бывал в доме Вульф-Осиповых в Тригорском. Прасковья Александровна Вульф-Осипова, рожд. Выдомская (1781–1859), приходилась теткой А. П. Керн, так как была первым браком замужем за родным ее дядей, братом матери, – Николаем Ивановичем Вульфom. Ранние годы провела в имении Тригорское, где получила первоначальное воспитание и образование под наблюдением отца – Александра Максимовича Выдомского, отставного полковника, энергичного помещика, человека по своему времени образованного и не лишенного даже литературных интересов, о чем свидетельствует сохранившийся альбом с выписанными его рукою стихами. После смерти отца, а затем и первого мужа Прасковья Александровна унаследовала имения Тригорское в Псковской губернии и Малинники в Тверской, где главным образом и жила со своими детьми от первого брака Алексеем, Анной, Евпраксией, Валерианом и Михаилом Вульф, от второго брака Марией и Екатериной Осиповыми и падчерицей Александрой. Рачительная помещица, не стеснявшаяся крутых мер в обращении как с крепостными, так и детьми, она в то же время постоянно пополняла свои знания путем чтения, изучения иностранных языков и проч. и стала человеком подлинно образованным, выделявшимся из окружающей среды просвещенным умом, широтой духовных интересов, самостоятельностью суждений. За это ее ценили и уважали такие люди, как В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, А. А. Дельвиг, Н. М. Языков, бывшие с нею в переписке. Пушкин на протяжении двух десятилетий поддерживал с П. А. Вульф-Осиповой самые добрые отношения, справедливо видя в ней не только незаурядного человека, но и искреннего, бескорыстного друга, готового всегда прийти ему на помощь в любом трудном деле. Сохранилась обширная переписка Пушкина с П. А. Вульф-Осиповой, ей посвящено несколько стихотворений поэта. А. П. Керн много говорит о Прасковье Александровне в воспоминаниях о своем детстве; подробную ее характеристику дает в письме к П. В. Анненкову, написанном вскоре после смерти П. А. Вульф-Осиповой

¹⁴ Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: она была ослепительна (*фр.*).

¹⁵ Промелькнувший перед нами образ, который мы видели и никогда более не увидим (*фр.*).

¹⁶ Письмо Пушкина к А. Г. Родзянко, о котором здесь идет речь, было написано в Михайловском 8 декабря 1824 года. Стихи Пушкина приведены неточно. Полный и точный текст их такой: Прости, украинский мудрец, Наместник Феба и Приапа! Твоя соломенная шляпа Покойней, чем иной венец; Твой Рим – деревня; ты мой Папа, Благослови ж меня, певец! Приводимые слова из письма не цитата, а пересказ по памяти. У Пушкина: «Баратынский написал поэму (не прогневайся, про Чухонку), и эта чухонка говорит чудо как мила. – А я про Цыганку; каков? подавай же нам скорей свою Чупку – ай да Парнас! ай да героини! ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту?» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 128–129).

Ответом на это послание были следующие стихи, отданные мне Пушкиным¹⁷, когда я через месяц после этого встретила с ним в Тригорском.

Вот они:

Ты обещал о романтизме,
О сем Парнасском афеизме
Потолковать еще со мной;
Полтавских муз поведать тайны,—
А пишешь лишь об ней одной.
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, не влюблен Пирон Украины.
Ты прав, что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговорим опять об ней.
Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей,
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу,
Не наведет она зевоту.
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту!
Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода,
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

А. Пушкин, Михайловское.

Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском, в 1825 г.¹⁸ в июне месяце. Вот как это было. Мы сидели за обедом и смеялись над привычкой одного г-на Рокотова¹⁹, повторяю-

¹⁷ Послание Пушкина «К Родзянке» («Ты обещал о романтизме...») является ответом на письмо Родзянко и Керн от 10 мая 1825 года. При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁸ В Тригорском летом 1825 года А. П. Керн гостила с середины июня по 19 июля, когда вместе с П. А. Вульф-Осиповой и ее дочерьми – Ан. Н. и Е. Н. Вульф – уехала в Ригу. Там в это время ее муж Е. Ф. Керн занимал должность военного коменданта.

¹⁹ Рокотов Иван Матвеевич (1782—после 1840) – псковский помещик, владелец села Стехнево Новоржевского уезда, в 40 верстах от Михайловского и Тригорского. Часто бывал у Вульф-Осиповых, посещал и Пушкина.

щего беспрестанно: «Pardonnez ma franchise» и «Je tiens beaucoup a votre opinion»²⁰. Как вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя, гораздо раньше, и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками, chien-loop²¹. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, – и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре, говоря: «Ai-je йтй assez vulgaire aujourd'hui!»²² Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его... Так, один раз мы восхищались его тихой радостью, когда он получил от какого-то помещика при любезном письме охотничий рог на бронзовой цепочке, который ему нравился. Читая это письмо и любясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: «Charmant! Charmant!»²³ Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про Черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров²⁴. Эту сказку с его же слов записал некто Титов и поместил, кажется, в Подснежнике. Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество. Однажды с этою целью явился он в Тригорское с своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган»²⁵. Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический и, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»:

И голос шуму вод подобный.

Через несколько дней после этого чтения тетюшка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское²⁶. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была

²⁰ «Простите за откровенность» и «Я весьма дорожу вашим мнением» (фр.).

²¹ Волкодавами (фр.).

²² До чего же я был неучтив сегодня! (фр.)

²³ Чудесно! Чудесно! (фр.)

²⁴ «Сказка про Черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров» позже, в 1827–1828 годах, была записана со слов Пушкина молодым литератором Владимиром Павловичем Титовым (1807–1891), посещавшим литературные собрания у Дельвига, и напечатана с согласия Пушкина в альманахе «Северные цветы» на 1829 год под названием «Уединенный домик на Васильевском».

²⁵ Поэма «Цыганы» была закончена Пушкиным в Михайловском осенью 1824 года.

²⁶ Посещение А. П. Керн Михайловского происходило в ночь с 18 на 19 июля 1825 года. В прогулке принимали участие, кроме нее и Пушкина, «тетюшка» – П. А. Вульф-Осипова, «сестра» – Ан. Н. Вульф и двоюродный брат – Ал. Н. Вульф. Алексей Николаевич Вульф (1805–1881) – старший сын П. А. и Н. И. Вульфов. Первоначальное образование получил в Горном корпусе. С 1822 по 1826 год – студент Дерптского университета, где подружился с Н. М. Языковым. С 1829 года служил в гвардии. В 1833 году вышел в отставку в чине штабс-ротмистра и всю дальнейшую жизнь, без малого пятьдесят лет, провел помещиком в своих имениях Малинники и Тригорское. Скончался в Тригорском 17 апреля 1881 года, там же похоронен – на семейном кладбище Вульф-Осиповых на Городище Ворониче. Со своей двоюродной сестрой А. П. Керн Вульф был дружен на протяжении всей жизни. С Пушкиным у него установились приятельские отношения сразу по приезду поэта в Михайловскую ссылку осенью 1824 года. Проводя каникулы в Тригорском, он постоянно общался с Пушкиным, особенно летом 1826 года, когда привез в Тригорское Н. М. Языкова. Известны письма и стихотворные послания Пушкина Вульфу; о нем – «дерптском студенте» – поэт писал в «Заметке о холере» (1831). Вульф уделяет много внимания Пушкину в своем «Дневнике», содержащем интересные и важные, но не всегда вполне достоверные сведения (см.: Вульф А. Н. Дневники. М.: Федерация, 1929).

чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называл ее глупою²⁷, а говорил: «J'aime la lune quand elle йclairе un beau visage»²⁸, хвалил природу и говорил, что он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал при нашей первой встрече А. Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «Приют задумчивых дриад»²⁹, с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: «Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin a Madame»³⁰. Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: «Vous aviez un air si virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?»³¹

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы Онегина³², в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье
и проч. и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих Северных цветах. Михаил Иванович Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя³³.

Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной,
и проч.³⁴

²⁷ Керн имеет в виду строки из V строфы третьей главы романа «Евгений Онегин»: Кругла, красна лицом она, Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне.

²⁸ Я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо (фр.).

²⁹ «Приют задумчивых дриад» (лесных нимф) — строка из I строфы второй главы романа «Евгений Онегин». А. П. Керн относит ее к парку Михайловского, подчеркивая тем самым, что видит прямую связь между пейзажем «Онегина» и окружавшей Пушкина в псковской деревне природой.

³⁰ Мой милый Пушкин, будьте же гостеприимны и покажите госпоже ваш сад (фр.)

³¹ Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас было тогда что-то вроде крестика, не правда ли? (фр.)

³² Керн ошибается, говоря, что накануне ее отъезда из Тригорского Пушкин принес ей «экземпляр 2-й главы Онегина». Вторая глава вышла из печати в октябре 1826 года. Это могла быть только первая глава, вышедшая в феврале 1825 года.

³³ Посвященное А. П. Керн стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») было впервые напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1827 год. Беловой автограф до нас не дошел. М. И. Глинка написал музыку на эти слова зимою 1840 года.

³⁴ Стихотворение Ивана Ивановича Козлова (1779–1840) «Венецианская ночь. Фантазия» (1824).

Мы пели этот романс Козлова, на голос «Benedetto, sia la madre»³⁵, баркаролы венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку и Писал в это время Плетневу: «Скажи старцу Козлову, что здесь есть одна прелесть, которая поет его ночь. Как жаль, что он ее не увидит! дай бог ему ее слышать!»³⁶

Итак, я переехала в Ригу. Тут гостили у меня сестра, приехавшая со мною, и тетушка со всем семейством. Пушкин писал из Михайловского к ним обеим; в одном из своих писем тетушке он очертил мой портрет³⁷ так:

«Хотите знать, что такое г-жа К...? – она изящна; она все понимает; легко огорчается и так же легко утешается; у нее робкие манеры и смелые поступки, – но при этом она чудо как привлекательна»³⁸.

Его письмо к сестре очень забавно и остро, выписываю здесь то, что относилось ко мне:

«Все Тригорское распевает: не мила ей прелесть ночи, и сердце мое сжимается, слушая эту песню. Вчера я четыре часа сряду говорил с Алексисом; никогда еще не было у нас такого длинного разговора. Что же вдруг соединило нас? Скука? Сродство чувств? Право, и сам не знаю. Каждую ночь я гуляю в своем саду и говорю себе: «Здесь была она... камень, о который она споткнулась»³⁹, лежит на моем столе подле увядшего гелиотропа⁴⁰. Наконец я много пишу стихов. Все это, если хотите, крепко похоже на любовь, но боюсь вам, что о ней и помину нет. Будь я влюблен, – я бы, кажется, умер в воскресенье от бешеной ревности, – а между тем мне просто было досадно⁴¹. Но все-таки мысль, что я ничего не значу для нее, что, заняв па минуту ее воображение, я только дал пищу ее веселому любопытству, – мысль, что воспоминание обо мне не нагонит на нее рассеянности среди ее триумфов и не омрачит сильнее лица ее в грустные минуты, – что прекрасные глаза ее остановятся на каком-нибудь рижском фате с тем же пронзающим и сладострастным выражением, – о, эта мысль невыносима для меня... Скажите ей, что я умру от этого... нет, лучше не говорите, а то это восхитительное создание станет смеяться надо мною. Но скажите ей, что если в сердце ее не таится сокровенная нежность ко мне, если нет в нем таинственного и меланхолического влечения, – то я презираю ее – слышите ли – презираю, не обращая внимания на удивление, которое вызовет в ней такое небывалое чувство.

21 июля».

Вскоре ему захотелось завязать со мной переписку, и он написал мне следующее письмо⁴²:

«

³⁵ «Пусть благословенна будет мать» (*ит.*).

³⁶ Письмо Петру Александровичу Плетневу (1792–1865), поэту, критику, одному из близких друзей Пушкина, издателю его сочинений и помощнику во многих житейских делах, было написано 19 июля 1825 года.

³⁷ Письмо Пушкина к П. А. Вульф-Осиповой, где поэт «очертил портрет» А. П. Керн, не сохранилось. Намек на него содержится в приписке к письму от 28 августа 1825 года, адресованной якобы П. А. Осиповой, на самом же деле предназначенной также для А. П. Керн («Как это мило, что вы нашли портрет схожим: «смела в» и т. д.») (Пушкин А. С. Полн., собр. соч. Т. 13. С. 216; оригинал по-французски).

³⁸ Здесь и далее курсивом выделен текст, в оригинале написанный по-французски.

³⁹ Никакого не было камня в саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревьев. (Примеч. А. П. Керн.)

⁴⁰ Веточку гелиотропа он точно выпросил у меня. (Примеч. А. П. Керн)

⁴¹ Ему досадно было, что брат поехал провожать сестру свою в меня и сел вместе с вами в карету (Примеч. А. П. Керн.)

⁴² Полный текст писем Пушкина, которые цитирует А. П. Керн, в точном переводе, принятом академическим Полным собранием сочинений Пушкина, см. на с. 271–280 настоящего издания.

Я имел слабость просить у вас позволения писать к вам, а вы, по ветрености или кокетству, позволили мне это. Я знаю, что переписка не ведет ни к чему; но у меня нет силы устоять против искушения – иметь у себя хоть одно слово, написанное вашей хорошенькой ручкой. Ваш приезд в Тригорское произвел на меня впечатление гораздо живее и тягостнее, чем некогда наша встреча у Олениных. Теперь, в глуши моей печальной деревни, мне ничего не остается лучше, как перестать думать о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости, – вы должны бы сами желать мне этого; но ветреность всегда жестока; и вся ваша братья, вертя как попало чужие головы, восхищается сознанием, что есть на свете душа, страдающая в честь и славу вам. – Прощайте, божество; я мучусь от бешенства и целую ваши ножки... Тысячу любезностей Ермолаю Федоровичу и сердечный поклон Вульф.

25 июля.

Я снова берусь за перо, потому что умираю от скуки и могу заниматься только вами. Надеюсь, что вы прочтете это письмо украдкой... Скажите, спрячете ли вы его опять на груди? станете ли отвечать мне подробно? Ради бога, пишите мне все, что придет вам в голову. Если вы боитесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, – перемените почерк, подпишите какое хотите имя, сердце мое и так узнает вас. – Если слова ваши будут так же сладки, как и ваши взгляды, тогда, увы! я постараюсь поверить им, или же обмануть себя – это одно и то же. Знаете что, я перечитываю то, что написал, и стыжусь их сентиментального тона... что скажет... Анна Николаевна? Ах вы чудотворка или чудотворица!»

Получа это письмо, я тотчас ему отвечала и с нетерпением ждала от него второго письма; но он это второе письмо вложил в пакет тетушкин, а она не только не отдала мне его, но даже не показала. Те, которые его читали, говорили, что оно было прелесть как мило.

В другом письме его было:

«Пишите мне, да побольше, и вдоль, и поперек, и по диагонали».

Мне бы хотелось сделать много выписок из его писем; они все были очень милы, но ограничусь еще одним:

«Не правда ли, что в письмах я гораздо любезнее, чем в натуре? Но приезжайте в Тригорское, и я обещаю вам, что буду необыкновенно любезен. Я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, проворен и ловок в четверг, пятницу, субботу и воскресенье – я буду всем, чем вы прикажете, и целую неделю у ваших ног».

Через несколько месяцев я переехала в Петербург и, уезжая из Риги, послала ему последнее издание Байрона, о котором он так давно хлопотал, и получила еще одно письмо, чуть ли не самое любезное из всех прочих, так он был признателен за Байрона! Не воздержусь, чтобы не выписать вам его здесь:

«Я никак не ожидал, что вы вспомните обо мне, – и благодарю вас за это от всей души. Теперь Байрон получил в глазах моих новую прелесть, и все героини его примут в воображении моем те черты, которых нельзя позабыть. В Гюльнаре и Лейле я буду видеть вас... Итак, вы, опять вы посылаетесь мне судьбою и проливаете очарование на мое уединение, – вы, ангел утешения... Но я неблагодарный – потому что смею еще роптать... Вы едете в Петербург – теперь мое изгнание тяжелее для меня, чем когда-либо. – Может быть, недавно случившаяся перемена сблизит меня с вами – но я не смею надеяться на это. – Надежде нельзя верить; она – хорошенькая женщина, которая обращается с нами, как со старым мужем... Кстати, моя милая

фея, что делает ваш? Знаете ли, что в его образе я представлял себе всех врагов Байрона, в том числе и жену его?

8 декабря.

Я снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, а подчас ненавижу, что третьего дня я рассказывал о вас ужасные вещи, что я целую ваши прекрасные ручки, и снова целую их, в ожидании больших благ, – что положение мое невыносимо, что вы божественны и пр. и пр. и пр.»

С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей, где я бывала почти всякий день и куда он приехал из своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев⁴³. Он был тогда весел, но чего-то ему доставало. Он как будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском. Я полагаю, что император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал к развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась. Друзья не покидали его в ссылке. Некоторые посещали его, а именно: Дельвиг, Баратынский и Языков⁴⁴, а другие переписывались с ним, и он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей.

Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он жил в трактире Демута⁴⁵, его родители на Фонтанке, у Семеновского моста, я с отцом и сестрою близ Обухова моста⁴⁶, и он иногда заходил к нам, отправляясь к своим родителям. Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины⁴⁷ свои праздновал он в доме родителей, в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности. После обеда Абрам Сергеевич Норов⁴⁸, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?» – «И в самом деле, – отвечала я, – мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне». Он взял кольцо, надел на свою маленькую, прекрасную ручку и сказал, что даст мне другое. В этот вечер мы говорили о Льве Сергеевиче, который в то время служил на Кавказе⁴⁹, и я, припомнив стихи, написанные им ко мне, прочитала их Пушкину.

Вот они:

Как можно не сойти с ума,

⁴³ Пушкин приехал в Петербург после освобождения из ссылки 22 мая 1827 года. Его родители, Н. О. и С. Л. Пушкины, жили в это время в доме Устинова на набережной Фонтанки, у Семеновского моста (дом сохранился – набережная Фонтанки, 92, у Семеновского моста).

⁴⁴ А.П. Керн ошибочно называет среди друзей Пушкина, посетивших его в Михайловском, Е.А. Баратынского и не называет И. И. Пущина.

⁴⁵ Трактир Демута, где неоднократно останавливался Пушкин в 1827–1831 годах, считался одной из лучших петербургских гостиниц; находился он на набережной Мойки, возле Невского проспекта (дом перестроен, участок дома № 2 40).

⁴⁶ А. П. Керн с сестрой Елизаветой и отцом П. М. Полторацким в 1827 году жила на набережной Фонтанки, близ Обуховского моста, в доме генеральши С. И. Штерич – том самом, который ранее принадлежал Е. М. Полторацкой-Олениной и где в 1819 году произошла первая знаменательная встреча Керн с Пушкиным.

⁴⁷ День именин Пушкина – 2 июня.

⁴⁸ *Норов Абрам (Авраам) Сергеевич* (1795–1869) – в 1820-е годы активно выступал как поэт и переводчик, был членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и «Общества любителей российской словесности»; позже – академик, сенатор, министр народного просвещения.

⁴⁹ Младший брат Пушкина, Лев Сергеевич (1805–1852), служил на Кавказе в Нижегородском драгунском полку в 1827–1829 годах и позже, в 1836–1841 годах.

Внимая вам, на вас любуюсь;
Венера древняя мила,
Чудесным поясом красуюсь,
Алкмена, Геркулеса мать,
С ней в ряд, конечно, может стать,
Но, чтоб молили и любили
Их так усердно, как и вас,
Вас спрятать нужно им от нас,
У них вы лавку перебили!

А. Пушкин

Пушкин остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: «И он тоже очень умен». *P a aussi beaucoup d'esprit!*» На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами и хотел было провести у меня несколько часов; но мне нужно было ехать с графиней Ивелич⁵⁰, и я предложила ему прокатиться к ней в лодке. Он согласился, и я опять увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Триторском. Он шутил с лодочником, уговаривая его быть осторожным и не утопить нас. Потом мы заговорили о Веневитинове⁵¹, и он сказал: «Отчего вы позволили ему умереть? Он ведь тоже был влюблен в вас, не правда ли?»

На это я отвечала ему, что Веневитинов оказывал мне только нежное участие и дружбу и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тут, кстати, я рассказала ему о наших беседах с Веневитиновым, полных той высокой чистоты и нравственности, которыми он отличался; о желании его нарисовать мой портрет и о моей скорби, когда я получила от Хомякова⁵² его посмертное изображение. Пушкин слушал мой рассказ внимательно, выражая только по временам досаду, что так рано умер чудный поэт... Вскоре мы пристали к берегу, и наша беседа кончилась.

Коснувшись светлых воспоминаний о Веневитинове, я не могу воздержаться, чтобы не выписать стихов Дельвига, написанных на смерть его в моем черном альбоме, рядом с портретом Веневитинова: они напоминают прекрасную душу так рано оставившего нас поэта.

На смерть Веневитинова

Дева

Юноша милый! на миг ты в наши игры вмешался.
Розе подобный красотой, как филомела ты пел.
Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев и песен,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты!

Роза

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим.
Ах! и любовь бы изменю душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой⁵³.

⁵⁰ *Ивелич* Екатерина Марковна, гр. (1795–1838) – близкая знакомая А. П. Керн и семьи Пушкиных.

⁵¹ *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805–1827) с 1826 года жил в Петербурге и часто посещал литературные собрания у Дельвига. Известна его восторженная любовь к кн. З. А. Волконской.

⁵² *Хомяков* Алексей Степанович (1804–1860) – поэт и публицист славянофильского направления.

⁵³ Стихотворение А.А. Дельвига «На смерть Веневитинова» («Дева и Роза») написано в 1827 году и впервые напечатано

Зимой 1828 года Пушкин писал Полтаву⁵⁴ и, полный ее поэтических образов и гармонических стихов, часто входил ко мне в комнату, повторяя последний, написанный им стих; так, он раз вошел, громко произнося:

Ударил бой, Полтавский бой!

Он это делал всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему, или почему-нибудь запавший ему в душу. Он, напр., в Тригорском беспрестанно повторял:

Обманет, не придет она!..⁵⁵

Посещая меня, он рассказывал иногда о своих беседах с друзьями и однажды, встретив у меня Дельвига с женою, передал свой разговор с Крыловым, во время которого, между прочим, был спор о том, можно ли сказать: бывывало? Кто-то заметил, что можно даже сказать бывывало. «Очень можно, проговорил Крылов, да только этого и трезвому не выговорить!»

Рассказав это, Пушкин много шутил. Во время этих шуток ему попался под руку мой альбом – совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в Онегине, и он стал в нем переводить французские стихи на русский язык и русские на французский.

В альбоме было написано:

Oh, si dans L'immortelle vie
Il existait un etre parfait.
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi sans doute il est fait etc., etc.

Пушкин перевел:

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он,
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

Под какими-то весьма плохими стихами было написано: «*Ecrit dans mon exil*»⁵⁶. Пушкин приписал:

Amour, exil⁵⁷
– Какая гиль!

Дмитрий Николаевич Барков⁵⁸ написал одни, всем известные стихи не совсем правильно, и Пушкин, вместо перевода, написал следующее:

в альманахе «Северные цветы» на 1828 год.

⁵⁴ Поэма «Полтава» была написана Пушкиным в течение 1828 года. «Ударил бой, Полтавский бой!» – стих третьей песни поэмы. В окончательной редакции: «И грянул бой, Полтавский бой!»

⁵⁵ Стих из поэмы Пушкина «Цыганы».

⁵⁶ Написано в моем изгнании (фр.).

⁵⁷ Любовь, изгнание (фр.).

⁵⁸ Барков Дмитрий Николаевич (1796 – после 1855) – известный в свое время театрал и поэт-дилетант. В 1819 году был

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести
И даже имени такова
Не смею громко произнести!

Так несколько часов было проведено среди самых живых шуток, и я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха, которым оглашались в тот день мои комнаты.

В подобном расположении духа он раз пришел ко мне и, застав меня за письмом к меньшей сестре⁵⁹ моей в Малороссию, приписал в нем:

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

В этот самый день я восхищалась чтением его Цыган в Тригорском и сказала: «Вам бы следовало, однако ж, подарить мне экземпляр Цыган в воспоминание того, что вы их мне читали». Он прислал их в тот же день, с надписью на обертке всеми буквами: Ее Превосходительству А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее почитателя. Трактир Демут, № 10⁶⁰.

Несколько дней спустя он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам. Живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Осеребрял мой бег ретивый.
Я ехал прочь. Иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло!

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты,
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души⁶¹.

Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он, при стихе:

членом «Зеленой лампы». Соль шуточного стихотворения Пушкина в том, что однофамилец Д. Н. Баркова Иван Барков (1732–1768) был известен как автор порнографических, «срамных» стихов.

⁵⁹ Младшая сестра А. П. Керн – Елизавета Петровна, в замужестве Решко.

⁶⁰ Пушкин подарил А. П. Керн отдельное издание поэмы «Цыганы», вышедшее в 1827 году. В рукописи А. П. Керн «Мысли и замечания, выдержки из писем в Малороссию», хранящейся в Рукописном отделе Пушкинского дома (14.332/LXXX662), содержится такая запись разговора с Пушкиным по поводу поэмы «Цыганы»: «А ведь Зарема-то ваша интереснее Марии», – сказала я ему когда-то. «Я люблю Зарему», – отвечал он. «Ваши «Цыганы» лучше всего, что вы написали», – сказала я. «Я и сам того же мнения, их не поняли, не оценили!..»

⁶¹ «Я ехал к вам. Живые сны...» – стихотворение «Приметы». Написано в январе 1829 года. Напечатано в альманахе «Подснежник» в апреле 1829 года. В окончательной редакции четвертый стих первой строфы: «Сопровождал мой бег ретивый».

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло! —

заметил, смеясь: «Разумеется, с левой, потому что ехал назад!»

Это посещение, как и многие другие, полно было шуток и поэтических разговоров.

В это время он очень усердно ухаживал за одной особой, к которой были написаны стихи: «Город пышный, город бедный...» и «Пред ней, задумавшись, стою...»⁶². Несмотря, однако ж, на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об ней с нежностью и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: «Вот, например, у ней вот какие маленькие ножки, да черт ли в них?» В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом». — «А вы что сказали?» — спросила я. «А я сказал: Ого!» В таком роде он часто выражался о предмете своих воздыханий.

Когда Дельвиг с женою уехали в Харьков⁶³, я с отцом и сестрою перешла на их квартиру. Пушкин заходил к нам узнавать о них и раз поручил мне переслать стихи к Дельвику, говоря: «Да смотрите, сами не читайте и не заглядывайте».

Я свято это исполнила и после уже узнала, что они состояли в следующем:

Как в ненастные дни, собирались они
Часто.
Гнули, бог их прости, от пятидесяти
На сто.
И отписывали, и приписывали
Мелом.
Так в ненастные дни, занимались они
Делом⁶⁴.

Эти стихи он написал у князя Голицына, во время карточной игры, мелом на рукаве. Пушкин очень любил карты и говорил, что это его единственная привязанность. Он был, как все игроки, суеверен, и раз, когда я попросила у него денег для одного бедного семейства, он, отдавая последние 50 руб., сказал: «Счастье ваше, что я вчера проиграл».

По отъезде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартирку в том же доме, где жил Дельвиг⁶⁵, и была свидетельницей свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях.

В эту зиму Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю лицейские товарищи его: Лангер, князь Эристов, Яковлев, Комовский и Илличевский⁶⁶.

⁶² Стихотворения «Город пышный, город бедный...» и «Пред ней задумчиво стою...» («Ты и Вы») обращены к Анне Алексеевне Олениной, которой в это время (1828 г.) Пушкин был увлечен и даже просил ее руки.

⁶³ Дельвиг с женой уехал в Харьков по служебным делам в феврале; вернулся в Петербург 7 октября 1828 года.

⁶⁴ Стихи «Как в ненастные дни собирались они...» известны и в непечатной редакции (см. письмо Пушкина П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г.), которую, вероятно, и посылал Пушкин Дельвику через А. П. Керн.

⁶⁵ Квартира Дельвига в 1827–1829 годах находилась на Загородном проспекте (продолжение Владимирской улицы), в доме Кувшинникова (Московская часть, № 167 и 168), а с осени 1829 года по январь 1831 года в доме Тычинкина, против Владимирской церкви.

⁶⁶ Лангер Валериан Платонович (1799 – после 1870) – лицеист 2-го курса, художник-литограф, с 1841 года почетный вольный общник Академии художеств. Эристов Дмитрий Алексеевич (1797–1858) – лицеист 2-го курса, чиновник и литератор. Яковлев Михаил Лукьянович (1798–1868) – товарищ Пушкина и Дельвига по Лицею (прозвище «Паяц»), на их слова напи-

Илличевский написал мне следующее послание:

Близ тебя в восторге нем,
Пью отраду и веселье,
Без тебя я жадно ем
Фабрики твоей изделье⁶⁷.
Ты так сладостно мила,
Люди скажут: небылица,
Чтоб тебя подчас могла
Мне напоминать горчица.—
Без горчицы всякий стол
Мне теперь сухоеденье;
Честолюбцу льстит престол —
Мне ж – горчицей владенье.
Но угодно так судьбе,
Ни вдова ты, ни девица,
И моя любовь к тебе
После ужина горчица.

Он называл меня:

Сердец царица,
Горчиная мастерица!

Кроме этих, приходили на вечера: Подолинский, Щастный⁶⁸, молодые поэты, которых выслушивал и благословлял Дельвиг, как патриарх. Иногда также являлся Сергей Голицын⁶⁹ и Михаил Иванович Глинка, гений музыки, добрый и любезный человек, как и свойственно гениальному существу.

Тут кстати заметить, что Пушкин говорил часто: «Злы только дураки и дети». Несмотря, однако ж, на это убеждение, и он бывал часто зол на словах, но всегда раскаивался. Так, однажды, когда он мне сказал какую-то злую фразу и я ему заметила: «Нехорошо нападать

сал несколько романсов, которые сам исполнял, обладая хорошим голосом; хранитель архива 1-го курса Лицея и устроитель празднования годовщин 19 октября. Комовский Сергей Дмитриевич (1798–1880) – товарищ Пушкина и Дельвига по Лицею (прозвище «Лисичка»), впоследствии крупный чиновник, автор недоброжелательных воспоминаний о Пушкине. Илличевский Алексей Дамианович (1798–1837) – товарищ Пушкина и Дельвига по Лицею (прозвище «Олосенька»), поэт, в Лицее соперничавший с Пушкиным, автор книжки стихов «Опыты в антологическом роде» (1827).

⁶⁷ Отец мой имел горчичную фабрику.

⁶⁸ *Подолинский* Андрей Иванович (1806–1886) – поэт романтического направления, пользовавшийся значительной известностью в 20–30-х годах, автор поэм «Див и Пери» (1827), «Борский» (1829), «Нищий» (1830), «Смерть Пери» (1837) и большого числа лирических стихотворений, вошедших в двухтомное собрание его стихотворений и поэм (1837). А. П. Керн поддерживала знакомство с Подолинским в течение многих лет. Щастный Василий Николаевич (1802–после 1854) – поэт, переводчик и журналист. Известностью пользовались его переводы из «Крымских сонетов» Мицкевича, с которым он познакомился в 1828 году, вероятно у Дельвига; был постоянным посетителем дельвиговских вечеров и активно сотрудничал в «Северных цветах» и «Литературной газете»; переведенное Щастным стихотворение А. Мицкевича «Фарис» написано в 1828 году и посвящено И. И. Козлову.

⁶⁹ *Голицын* Сергей Григорьевич, кн. (1803–1868) – музыкант и поэт-дилетант, бывший в дружеских отношениях с М. И. Глинкой. Тесное дружеское общение М. И. Глинки (1804–1857) с А. А. Дельвигом и его кругом относится к 1828–1829 годам. В своих «Записках» Глинка рассказывает: «Летом того же 1828 года Михаил Лукьянович Яковлев, композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном, познакомил меня с бароном Дельвигом, известным нашим поэтом. Я нередко навещал его; зимою бывала там девица Лигле, мы играли в 4 руки. Барон Дельвиг переделал для моей музыки песню «Ах ты, ночь ли, ноченька...», и тогда же я написал музыку на слова его же «Дедушка, девицы раз мне говорили...»; эту песню весьма ловко пел М. Л. Яковлев». (Глинка М. И. Литературное наследие. Т. 1. С. 110). Рассказывает Глинка и о посещении Дельвига на даче летом 1829 года, и о совместной поездке в середине того же лета на Иматру.

на такого беззащитного человека», – обезоруженный моею фразой, он искренно начал извиняться. В поступках он всегда был добр и великодушен.

На вечера к Дельвигу являлся и Мицкевич⁷⁰. Вот кто был постоянно любезен и приятен. Какое бесподобное существо! Нам было всегда весело, когда он приезжал. Не помню, встречался ли он часто с Пушкиным, но знаю, что Пушкин и Дельвиг его уважали и любили. Да что мудреного? Он был так мягок, благодушен, так ласково приноровлялся ко всякому, что все были от него в восторге. Часто он усаживался подле нас, рассказывал нам сказки, которые он тут же сочинял, и был занимателен для всех и каждого.

Сказки в нашем кружке были в моде, потому что многие из нас верили в чудесное, в привидения и любили все сверхъестественное. Среди таких бесед многие из тогдашних писателей читали свои произведения. Так, например, Щастный читал нам Фариса, переведенного им тогда, и заслужил всеобщее одобрение. За этот перевод Дельвиг очень благоволил к нему, хотя вообще Щастный как поэт был гораздо ниже других второстепенных писателей. Среди этих последних видное место занимал Подолинский, и многими его стихами восхищался Пушкин⁷¹. Особенно нравились ему следующие:

Портрет

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она,
Я мыслю: Гурия Пророка
С небес на землю сведена.
Коса и кудри темно-русы,
Наряд небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лета сочетанье
В живом огне ее очей
Рождают негу и желанье
В груди тоскующей моей.

И окончание стихов под заглавием: «К ней»:

Так ночью летнею младенца,
Земли роскошной поселенца,
Звезда манит издалека,
Но он к ней тянется напрасно...
Звезды златой, звезды прекрасной,
Не достигнет его рука.

⁷⁰ *Мицкевич* Адам (1798–1855) был выслан из Польши в Центральную Россию под надзор полиции в 1824 году и с конца 1827 года до отъезда за границу весной 1829 года жил в Петербурге. В это время он близко сошелся с Пушкиным, Дельвигом и их кругом, был постоянным посетителем дельвиговских литературных собраний.

⁷¹ Стихотворение Подолинского «Портрет» посвящено А. П. Керн; в 1828 году оно было вписано автором в ее альбом. Впервые опубликовано в альманахе «Подснежник», 1829. На стихотворение Подолинского Пушкин сочинил пародию, которую тогда же, в 1829 году, записал в тот же альбом А. П. Керн: Когда, стройна и светлоока, Передо мной стоит она, Я мыслю: «В день Ильи-пророка Она была разведена!» Стихотворение «К***», откуда А. П. Керн приводит последние шесть строк, по видимому, также посвящено ей и написано в 1828 году. Утверждение А. П. Керн, что Пушкин многими стихами Подолинского «восхищался», не подтверждается известными фактами.

Пушкин в эту зиму бывал часто мрачным, рассеянным и апатичным. В минуты рассеянности он напевал какой-нибудь стих и раз был очень забавен, когда повторял беспрестанно стих барона Розена⁷²:

Неумолимая, ты не хотела жить...—

передразнивая его и голос и выговор.

Зима прошла. Пушкин уехал в Москву⁷³ и хотя после женитьбы и возвратился в Петербург, но я не более пяти раз с ним встречалась. Когда я имела несчастье лишиться матери⁷⁴ и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал, со свойственной ему живостью, по всем соседним дворам, пока наконец нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме⁷⁵, которая принимала во мне участие; ласкал мою маленькую дочь Ольгу⁷⁶, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» — отвечала: «Воля!» — и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как гением добра. Пусть этим словом окончатся мои воспоминания о великом поэте

⁷² Розен Георгий (Егор) Федорович, барон (1800–1860) — писатель и критик, автор многочисленных лирических стихотворений и исторических трагедий. Им написано либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). В 1828–1829 годах сблизился с кругом Пушкина — Дельвига, печатался в «Северных цветах» и «Литературной газете», часто посещал дельвиговские вечера.

⁷³ Пушкин уехал в Москву в начале марта 1829 года.

⁷⁴ Мать А. П. Керн — Екатерина Ивановна Полторацкая (рожд. Вульф) — скончалась в начале 1832 года.

⁷⁵ ...одна дама — Е. М. Хитрово.

⁷⁶ Младшая дочь Керн — Ольга (род. в 1826 г.), умерла, по-видимому, в детстве.

Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке

То зеркало лишь хорошо, которое верно отражает.

При воспоминании прошедшего я часто и долго останавливаюсь на том времени, которое ознаменовалось поэтической деятельностью Пушкина и отметились в жизни общества страстью к чтению, литературным занятиям и, если не ошибаюсь, необыкновенною жаждою удовольствий. И тогда снова оживает передо мною доброе старое время, кипевшее избытком молодых сил. Я вижу веселый, беспечный кружок поэтов той эпохи, живший грезами о счастье и по возможности избегавший тягости труда. Из него выделяются в моем воспоминании с особенною ясностью: Пушкин, Дельвиг и Глинка.

Художественные создания Пушкина, развивая в обществе чувство к изящному, возбуждали желание умно и шумно повеселиться, а подчас и покутить. Весь кружок даровитых писателей и друзей, группировавшихся около Пушкина, носил на себе характер беспечного, любящего пображничать русского барина, быть может, еще в большей степени, нежели современное ему общество. В этом молодом кружке преобладала любезность и раздольная, игровая веселость, блескело неистощимое остроумие, высшим образцом которого был Пушкин. Но душою всей этой счастливой семьи поэтов был Дельвиг, у которого в доме чаще всего они и собирались⁷⁷.

Дельвиг соединял в себе все качества, из которых складывается симпатичная личность. Любезный, радушный хозяин, он умел сделать счастливыми всех, имевших к нему доступ.

Благодаря своему истинно британскому юмору он шутил всегда остроумно, не оскорбляя никого. В этом отношении Пушкин резко от него отличался: у Пушкина часто проглядывало беспокойное расположение духа. Великий поэт не был чужд странных выходок, нередко напомиравших фразу Фигаро: «Ах, как они глупы, эти умные люди», и его шутка часто превращалась в сарказм, который, вероятно, имел основание в глубоко возмущенном действительности духе поэта. Это маленькое сравнение может объяснить, почему Пушкин не был хозяином кружка, увлекавшегося его гением. Не позволяя себе дальнейшей параллели между характерами двух друзей, перехожу к моим воспоминаниям о Дельвиге, в которых коснулся также нескольких случаев из жизни Пушкина и Глинки, нашего гениального композитора.

Мы никогда не видали Дельвига скучным или неприязненным к кому-либо. Может быть, та же самая любовь спокойствия, которая мешала ему быть деятельным, делала его до крайности снисходительным ко всем, и даже в особенности к слугам. Они обращались с ним запанибрата, и, что бы ни сделали они, вместо выражений гнева Дельвиг говорил только «забавно». Но очень может быть, что причина его снисходительности к служащим ему людям была разумнее и глубже и заключалась в терпимости, даже в великодушии.

Дельвиг любил доставлять другим удовольствия и мастер был устраивать их и изобретать. Не помню, чтобы он один или с женою ездил когда-нибудь на балы или танцевальные вечера; но зато любил загородные поездки, катанья экспромтом или же ужин дома с хорошим вином, которым любил потчевать дам, посмеиваясь, что действие вина всегда весело и благотельно. Между многими катаньями за город мне памятна одна зимняя поездка в Красный Кабачок⁷⁸, куда Дельвиг возил нас на вафли. Мы там нашли совершенно пустую залу и одну бедную девушку, арфянку, которая чрезвычайно обрадовалась нашему посещению и пела нам

⁷⁷ Собрания (литературные вечера) у Дельвига в доме Кувшинникова (до конца 1829 г.), а затем Тычинкина (до 1831 г.) происходили регулярно два раза в неделю – по средам и воскресеньям.

⁷⁸ *Красный Кабачок* – трактир (ресторан) в нескольких верстах от Петербурга по Петергофской дороге. Пользовался большой популярностью среди светской столичной молодежи в конце XVIII – начале XIX века.

с особенным усердием. Под звуки ее арфы мы протанцевали мазурку и, освещенные луною, возвратились домой. В катанье участвовали, кроме Дельвига, жены его⁷⁹ и меня, Сомов⁸⁰, всегда интересный собеседник и усердный сотрудник Дельвига по изданию «Северные цветы», и двоюродный брат мой А.Н. Вульф.

Кроме прелести неожиданных импровизированных удовольствий, Дельвиг любил, чтобы при них были и хорошее вино, и вкусный стол. Он с детства привык к хорошей кухне; эта слабость вошла у него в привычку. Любя хорошо поесть, он избегал обедов у хозяев не гастрономов; так, однажды, по случаю обеда у Пушкиных, не любивших роскошного стола, он написал Александру Сергеевичу шуточное четверостишие, которое начинается так:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать...

Юмор Дельвига, его гостеприимство и деликатность часто наводили меня на мысль о Вальтере Скотте, с которым, казалось мне, у него было сходство в домашней жизни. В его поэтической душе была какая-то детская ясность, сообщавшая собеседникам безмятежное чувство счастья, которым проникнут был сам поэт. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкин. Прочитав в Одессе романс Дельвига «Прекрасный день, счастливый день, и солнце и любовь...», в котором так много ясности и счастья, он говорил, что прочувствовал вполне это младенческое излияние поэтической души Дельвига и что самое стихосложение этого романса верно передало ему всю светлость чистого чувства любви поэта. Он восхищался притом другими пьесами Дельвига, равно как и поэзией Баратынского. Эти три поэта были связаны глубокой симпатией. Баратынский присылал Дельвигу свои сочинения до отсылки в печать, и последний отдавал их переписывать жене. Баратынский никогда не ставил знаков препинания, кроме запятой; Дельвиг знал эту особенность своего друга и, отдавая жене стихи его, всегда говорил: «Пиши, Сонинька, до точки». Дельвиг рассказывал однажды, будто Баратынский спрашивал у него: «Что называешь ты родительным падежом?»

Дельвиг жил на Владимирской улице, в доме Кувшинникова, ныне Олферовского. По утрам он обыкновенно занимался в своем маленьком кабинете, отделенном от передней простою из зеленой тафты перегородкой. В этом кабинетике случилось однажды несчастье с песнями Беранже: их разорвал маленький щенок тернёв, и Дельвиг воспел это несчастье в юмористических стихах, из которых, к сожалению, я помню только следующие:

Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уцелел!
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел.

Эта песня была включена в репертуар, который распевали мы у него по вечерам целым хором. Два раза в неделю собирались к нему лицеисты – товарищи и друзья. Как веселы бывали эти беседы!..

Одно время я занимала маленькую квартиру в том же доме. Софья Михайловна, жена Дельвига, приходила по утрам в мой кабинет заниматься корректурой «Северных цветов»; потом мы вместе читали, работали и учились итальянскому языку у г. Лангера, тоже лицеиста. Остальную часть дня я проводила в семействе Дельвига. У них собирались не с одною только целью беседовать, но и читать что-нибудь новое, написанное посетителями, и услышать мне-

⁷⁹ Жена А. А. Дельвига София Михайловна, рожд. Салтыкова (1806–1888). Венчание ее с Дельвигом состоялось 30 октября 1825 года. Вскоре после смерти Дельвига она вторично вышла замуж за С. А. Баратынского, *брала* поэта.

⁸⁰ Сомов Орест Михайлович (1793–1833) – писатель, критик, журналист, в 1829–1831 годах ближайший помощник Дельвига по изданию «Северных цветов» и «Литературной газеты».

ние Дельвига, пользовавшегося репутацией проницательного и беспристрастного ценителя. Во всем кружке была родственная простота и симпатия; дружба, шутка и забавные эпитеты, которые придавались чуть не каждому члену маленькой республики, могут служить характеристикой этой детски веселой семьи.

Однажды Дельвиг и его жена отправились, взяв с собою и меня, к одному знакомому ему семейству; представляя жену, Дельвиг сказал: «Это моя жена», и потом, указывая на меня: «А это вторая». Шутка эта получила право гражданства в нашем кружке, и Дельвиг повторил ее, надписав на подаренном мне экземпляре поэмы Баратынского «Бал»: «Жене № 2-й от мужа безномерного». Кроме этого подарка на память, он написал в мой альбом свои стихи: «Дева и Роза» и «На смерть Веневитинова»⁸¹. В семье Дельвига я чувствовала себя как дома, а когда они уехали в Харьков, баронесса пересылала мне экспромты Дельвига. Из числа их я помню следующий:

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

Преданный друзьям, Дельвиг в то же время был нежен и к родным. Я помню, как ласкал он своих маленьких братьев⁸², семи- и восьмилетних малюток, выписав их вскоре по возвращении своем из Харькова. Старшего, Александра, он звал классиком, а меньшего, Ивана, романтиком и под этими именами представил их однажды Пушкину. Александр Сергеевич нежно ласкал их, и когда Дельвиг объявил, что меньшой уже сочинил стихи, он- пожелал их услышать, и малютка-поэт, не конфузясь нимало, медленно и внятно произнес, положив обе ручки в руки Пушкина:

Индиянди, Индиянди, Индия!
Индиянда! Индиянда! Индия!

Александр Сергеевич, погладив поэта по голове, поцеловал и сказал: «Он точно романтик».

Дружба Пушкина с Дельвигом так тесно соединяла их, что, вспоминая о последнем, нельзя умолчать о Пушкине, завоевавшем себе внимание всего кружка и бывшем часто предметом разговоров и даже переписки его дружных членов; так, например, незадолго до женитьбы Пушкина Софья Михайловна Дельвиг писала ко мне с дачи в город⁸³: и «Лев уехал вчера... Александр Сергеевич вернулся вчера. Говорят, влюблен больше, чем когда-нибудь, между тем почти не говорит о ней. Свадьба будет в сентябре».

Действительно, в этот период, перед женитьбою своей, Пушкин казался совсем другим человеком. Он был серьезен, важен, молчалив, заметно было, что его постоянно проникало сознание великой обязанности счастливить любимое существо, с которым он готовился соединить свою судьбу, и, может быть, предчувствие тех неотвратимых обстоятельств, которые могли родиться в будущем от серьезного и нового его шага в жизни и самой перемены его положения в обществе. Встречая его после женитьбы всегда таким же серьезным, я убедилась,

⁸¹ «Дева и Роза» и «На смерть Веневитинова» – одно и то же стихотворение. См. «Воспоминания о Пушкине» настоящего издания.

⁸² Братья Дельвига Александр (1816–1882) и Иван (1819—?) были привезены им в Петербург вскоре после смерти отца (6 июля 1828 г.). Оба впоследствии были военными. Керн указывает возраст братьев неточно.

⁸³ Письмо С.М. Дельвиг написано 21 июля 1830 года. Лев Сергеевич Пушкин уехал из Петербурга 20-го, Александр Сергеевич приехал в столицу 19-го. Свадьба Пушкина с Н.Н. Гончаровой состоялась 18 февраля 1831 года.

что в характере поэта произошла глубокая, разительная перемена. Но мои воспоминания в доме Дельвига относятся более ко времени первой беспечной поры жизни Пушкина. Помню, как он, узнав о возвращении Дельвига из Харькова и спеша обнять его, вбежал на двор; помню его развевающийся плащ и сияющее радостью лицо... Другое воспоминание мое о Пушкине относится к свадьбе сестры его⁸⁴. Дельвиг был тогда в отлучке. В его квартире я с Александром Сергеевичем встречала и благословляла новобрачных. Расскажу подробно это обстоятельство.

Мать Пушкина, Надежда Осиповна, вручая мне икону и хлеб, сказала: «Замените меня, мой друг, вручая вам образ, благословите им мою дочь!» Я с любовью приняла это трогательное поручение и, расспросив о порядке обряда, отправилась вместе с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных. Был январь месяц, мороз трещал страшный, Пушкин, всегда задумчивый и грустный в торжественных случаях, не прерывал молчания. Но вдруг, стараясь показаться веселым, вздумал заметить, что еще никогда не видал меня одну: «А ведь мы с вами в первый раз вдвоем, сударыня»; мне показалось, что эта фраза была внушена желанием скрыть свои размышления по случаю важного события в жизни нежно любимой им сестры; а потому, без лишних объяснений, я сказала только, что этот необыкновенный случай отмечен сильным морозом. «Вы правы, 27 градусов», – повторил Пушкин, плотнее закутываясь в шубу. Так кончилась эта попытка завязать разговор и быть любезным. Она уже не возобновилась во всю дорогу. Стужа давала себя чувствовать, и в квартире Дельвига, долго дожидаясь приезда молодых, я прохаживалась по комнате, укутываясь в кацавейку; по поводу ее Пушкин сказал, что я похожа в ней на царицу Ольгу. Поэт старался любезностью и вниманием выразить свою благодарность за участие, принимаемое мною в столь важном событии в жизни его сестры.

Он всегда сочувствовал великодушному порыву добрых стремлений. Так, однажды отец госпожи Н.⁸⁵, рассказывая Пушкину про случай с одним семейством, при котором необходимо было присутствие близкого человека, осуждал неблагоразумную чувствительность своей дочери, которая прямо с постели, накинув салоп, побежала к нуждавшимся в ее помощи, сказала: «И эта дура, несмотря на морозную ночь, в одной почти рубашке побежала через Фонтанку!»

Пушкин сидел на диване, поджав ноги; услышав этот рассказ, он вскочил и, схватив обе руки у госпожи П., с жаром поцеловал их. Живо воспринимая добро, Пушкин, однако, как мне кажется, не увлекался им в женщинах; его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинное и глубокое чувство, им внушенное. Сам он почти никогда не выражал чувств; он как бы стыдился их и в этом был сыном своего века, про который сам же сказал, что чувство было дико и смешно⁸⁶. Острое красное словцо – *la repartie vive* – вот что несказанно тешило его. Впрочем, Пушкин увлекался не одними остротами; ему, например, очень понравилось однажды, когда я на его резкую выходку отвечала выговором: «Зачем вы на меня нападаете, ведь я такая безобидная!» И он повторял: «Как это верно сказано: действительно, такая безобидная!» Продолжая далее, он заметил: «Да, с вами не весело и ссориться, то ли дело ваша кузина, вот тут есть с кем ссориться!»

Причина того, что Пушкин скорее очаровывался блеском, нежели достоинством и простотою в характере женщин, заключалась, конечно, в его невысоком о них мнении, бывшем совершенно в духе того времени. При этом мне пришла на память еще одна забавная сцена, разыгранная Пушкиным в квартире Дельвига, занимаемой мною с семейством по случаю

⁸⁴ Сестра Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868), бывшая в дружеских отношениях с А. П. Керн, обвенчалась с Н. И. Павлищевым (против воли родителей) 27 января 1828 года.

⁸⁵ Под госпожой Н. имеется в виду сама А. П. Керн

⁸⁶ «Нам чувство дико и смешно» – строка XIV строфы второй главы романа «Евгений Онегин».

отсутствия хозяев. Сестра его и я сидели у окна, читая книгу. Пушкин подсел ко мне и, между прочими нежностями, сказал: «Дайте ручку, *c'est si satin!*», я отвечала: «*Satan!*»⁸⁷ Тогда сестра поэта заметила, что не понимает, как можно отказывать просьбам Пушкина, что так понравилось поэту, что он бросился перед нею на колени; в эту минуту входит А.Н. Вульф и хлопает в ладоши... Сюда же можно отнести и отзыв поэта о постоянстве в любви, которою он, казалось, всегда шутил, как и поцелуем руки; но это, по всей вероятности, было притворною данью веку... Однажды, говоря о женщине, которая его страстно любила⁸⁸, он сказал: «И потом, знаете ли, нет ничего безвкуснее долготерпения и самоотверженности». Но, как я уже заметила, женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену. С того времени он на все смотрел серьезнее, а все-таки остался верен привычке своей скрывать чувство и стыдиться его. В ответ на поздравление с неожиданною способностью женатым вести себя как прилично любящему мужу, он шутя отвечал: «Я просто хитер». После женитьбы я видела его раз у его родителей во время их обеда. Он сидел за столом, но ничего не ел. Старики потчевали его то тем, то другим кушаньем, но он от всего отказывался и, восхищаясь аппетитом своего батюшки, улыбнулся, когда отец сказал ему, предлагая гуся с кислую капустою: «Это шотландское блюдо», заметив при этом, что он никогда ничего не ест до обеда, а обедает в 6 часов. Быв холостым, он редко обедал у родителей, а после женитьбы почти никогда. Когда же это случалось, то после обеда на него иногда находила хандра. Однажды в таком мрачном расположении духа он стоял в гостиной у камина, заложив назад руки... Подошел к нему Илличевский и сказал:

У печки погружен в молчаньи,
Поднявши фрак, он спину грел,
И никого во всей компании
Благословить он не хотел⁸⁹.

Это развеселило Пушкина, и он сделался олень любезен. Потом я его еще раз встретила с женою у родителей, незадолго до смерти матери⁹⁰. Она уже тогда не вставала с постели, которая стояла посреди комнаты, головами к окнам; Пушкины сидели рядом на маленьком диване у стены. Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью; а Александр Сергеевич, не спуская глаз с матери, держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как бы выражая тем ласку к жене и ласку к матери; он при этом ничего не говорил.

Кроме Пушкина, еще один из друзей Дельвига, еще одна симпатичная личность влечет к себе мои воспоминания. Это наш поэт-музыкант Глинка; я познакомилась с ним в 1826 году.

В это время еще немногие жилали летом на дачах. Проводившие его в Петербурге любили гулять в Юсуповом саду, на Садовой. Однажды, гуляя там в обществе двух девиц и Александра Сергеевича Пушкина⁹¹, я встретила генерала Базена⁹², моего хорошего знакомого. Он пригласил нас к себе на чай и при этом представил мне Глинку, говоря: «Прекрасного чаю обещать не стану, ибо не знаю в нем толку, но зато обещаю чудесное общество: вы услышите Глинку, одного из первых наших пианистов». Тогда молодой человек, шедший в стороне, сделал шаг

⁸⁷ «Настоящий атлас!» – «Сатана!» (Игра слов: *satin* – атлас, *satan* – сатана (*фр.*))

⁸⁸ Вероятно, речь идет об Анне Николаевне Вульф.

⁸⁹ Четверостишие Илличевского – пародия на заключительную строфу стихотворения Пушкина «Демон»: Не верил он любви, свободе; На жизнь насмешливо глядел — И ничего во всей природе Благословить он не хотел.

⁹⁰ Надежда Осиповна Пушкина скончалась 29 марта 1836 года. Пушкин отвез ее тело в Святогорский монастырь, близ Михайловского, где уже были похоронены ее родители Осип Абрамович и Мария Алексеевна Ганнибалы, и рядом с ее могилой купил место для себя.

⁹¹ В журнальной публикации рассказа А. П. Керн о первой встрече с М. И. Глинкой в Юсуповом саду допущена грубая ошибка: назван Александр Сергеевич Пушкин вместо Льва Сергеевича. А. С. Пушкина в 1826 году не было в Петербурге.

⁹² Базен Петр Петрович (1783–1838) – француз, принятый на русскую службу Александром I; в 1826 году – генерал-лейтенант-инженер, директор Института инженеров путей сообщения.

вперед, грациозно поклонился и пошел подле Пушкина, с которым был уже знаком и прежде⁹³. Лишь только мы вошли в квартиру Базена, очень просто меблированную, и уселись на диван, хозяин предложил Глинке сыграть что-нибудь. Нашему хозяину очень хотелось, чтобы Глинка импровизировал, к чему имел гениальные способности, а потому Базен просил нас дать тему для предполагаемой импровизации и спеть какую-нибудь русскую или малороссийскую песню. Мы не решались, и сам Базен запел малороссийскую простонародную песню с очень простым мотивом:

Наварила, напекла
Не для Грицки, для Петра;
Ой лих, мой Петрусь,
Бело лично, черноусть!

Глинка опять поклонился своим выразительным, почтительным манером и сел за рояль. Можно себе представить, но мудрено описать мое удивление и восторг, когда раздались чудные звуки блистательной импровизации; я никогда ничего подобного не слыхала, хотя и удавалось мне бывать в концертах Фильда⁹⁴ и многих других замечательных музыкантов; такой мягкости и плавности, такой страсти в звуках и совершенного отсутствия деревянных клавиш я никогда ни у кого не встречала!

У Глинки клавиши пели от прикосновения его маленькой ручки. Он так искусно владел инструментом, что до точности мог выразить все, что хотел; невозможно было не понять того, что пели клавиши под его миниатюрными пальцами.

В описываемый вечер он сыграл, во-первых, мотив, спетый Базеном, потом импровизировал блестящим, увлекательным образом чудесные вариации на тему мотива, и все это выполнил изумительно хорошо. В звуках импровизации слышалась и народная мелодия, и свойственная только Глинке нежность, и игривая веселость, и задумчивое чувство. Мы слушали его, боясь пошевелиться, а по окончании оставались долго в чудном забытии.

Впоследствии Глинка бывал у меня часто; его приятный характер, в котором просвечивалась добрая, чувствительная душа нашего милого музыканта, произвел на меня такое же глубокое и приятное впечатление, как и музыкальный талант его, которому равного до тех пор я не встречала.

Он взял у меня стихи Пушкина, написанные его рукою: «Я помню чудное мгновенье...», чтоб положить их на музыку, да и затерял их, бог ему прости! Ему хотелось сочинить на эти слова музыку, вполне соответствующую их содержанию, а для этого нужно было на каждую строфу писать особую музыку, и он долго хлопотал об этом.

Из числа моих знакомых Глинка посещал П(ушки)ных, бывал у Базена, своего доброго начальника, и у барона Дельвига, большого любителя музыки и почитателя Глинки. Там он часто услаждал весь наш кружок своими дивными вдохновениями. К нему присоединялись иногда князь Сергей Голицын, М. Л. Яковлев, а иногда и все мы хором пели какой-нибудь канон, бравурный модный романс или баркаролу. Для тех, которые не знали коротко Глинки, скажу, что он был один из приятнейших и вместе добродушнейших людей своего времени, и хотя никогда не прибегал к злоречию насчет ближнего, но в разговоре у него было много веселого и забавного. Его ум и сердечная доброта проявлялись в каждом слове, поэтому он всегда был желанным и приятным гостем, даже без музыки. В этом отношении он мог подать

⁹³ С Л.С. Пушкиным Глинка вместе учился в С.-Петербургском Благородном пансионе при Педагогическом институте (1818–1821 гг.).

⁹⁴ Фильд Джон (1782–1837) – ирландский пианист и композитор; жил в России в 1804–1834 годах.

руку своему почтенному покровителю и начальнику Базену, отличавшемуся в своем тесном, дружеском кружке самою доброжелательной любезностью.

Сообществом их обоих и умной задушевной беседой дорожили все их друзья и знакомые. Глинка был чрезвычайно нервный, чувствительный человек, и ему было всегда то холодно, то жарко, чаще всего грустно, так что маленькая дочь моя иначе не называла его, как «Миша Глинка, которому грустно». Являясь ко мне, он просил иногда позволения надеть мою капавейку и расхаживал в ней, как в мантии, или, бывало, усаживался в угол на диване, поджавши ножки. Летом, кажется, в 1830 году, когда я жила вместе с Дельвигом на даче у Крестовского перевоза⁹⁵, Глинка бывал у нас очень часто и своею веселостью вызывал на разные parties de plaisir⁹⁶. Под таким влиянием однажды Дельвигу, любившему доставлять себе и другим удовольствия, часто весьма замысловатые, вздумалось совершить прогулку целым обществом на Иматру⁹⁷. Не долго размышляя, а по-русски: вздумано, сделано! – мы проворно собрались в дорогу, отыскивали напрокат допотопную линейку с черным кожаным фартуком и таким же верхом на столбиках; в одно прекрасное июньское утро уселись в нее, по возможности комфортабельно, и поехали.

Общество наше состояло из барона Дельвига, жены его, постоянного нашего посетителя Ореста Михайловича Сомова и меня. При баронессе была ее горничная. Подорожная для предотвращения задержки в лошадях была взята на мое имя, как генеральши, а барон и прочие играли роль будущих⁹⁸. Глинка, без которого нам не хотелось наслаждаться удовольствиями этого путешествия, но которого задерживали на время дела, не мог выехать вместе с нами и должен был нас догнать на половине дороги. Мудрено было придумать для приятного путешествия условия лучше тех, в каких мы его совершили: прекрасная погода, согласное, симпатичное общество и экипаж, как будто нарочно приспособленный к необыкновенно быстрой езде по каменистой гладкой дороге, живописно извивающейся по горам, над пропастями, озерами и лесами вплоть до Иматры, делали всех нас чрезвычайно веселыми и до крайности довольными. Конечно, дребезжание экипажа и слишком шибкая езда (по 20 верст в час) не позволяли нам разговаривать, но это и не предстояло большой необходимости. Очаровательные пейзажи, один за другим сменяющиеся то с одной, то с другой стороны линейки, возбуждали в нас такое восхищение, которое только и может быть выражено коротенькими восторженными восклицаниями, – и мы беспрестанно высказывали свои впечатления возгласами: «Ах, посмотрите, какая прелесть!», «А это-то, по моей стороне – чудо! какая роща! какая удивительная трава!» – и проч.

Одна картина сменяла другую, и каждая в своем роде отличалась красотой. Тут являлась между скалистыми уступами мрачная пропасть, там овраг, увенчанный и усыпанный цветами и ягодами, а впереди нас, и сбоку, и над головами выдвигались и висели целые утесы. Так, по дороге гладкой, как стол, мчались мы, окрыленные радостными мыслями, упоенные красотами горной природы! Глинка сдержал свое слово и догнал нас на половине пути; он приехал с своим товарищем, с которым жил на одной квартире⁹⁹, молодым человеком, очень сентиментальным.

Так как мы все не могли поместиться в линейке, то двое из нас, исключая, однако же, меня и Дельвига, самых ленивых из всей компании, по очереди ехали в чухонской тележке на

⁹⁵ Дача, которую снимали Дельвигои летом 1829 и 1830 годов и где вместе с ними жила А. П. Керн, находилась на Петербургской стороне, на берегу Невы, у Крестовского перевоза.

⁹⁶ Увеселительные прогулки (*фр.*).

⁹⁷ Прогулка на Иматру – водопад на реке Вуоксе в Финляндии – проходила 28 июня – 1 июля 1829 года (А. П. Керн ошибочно называет 1830-й).

⁹⁸ *Будущие* – в терминологии подорожных того времени – люди, сопровождающие путешественника.

⁹⁹ Пансионский товарищ и земляк Глинки, с которым он жил некоторое время на одной квартире (Загородный проспект, дом Нечаева) и вместе совершил поездку на Иматру, большой любитель поэзии и музыки, сам писавший стихи, – Александр Яковлевич Римский-Корсак.

двух колесах. Кроме поэтического настроения путешественников и высокого наслаждения изумительными красотами природы, наше путешествие имело много юмористического от разных дорожных приключений, встреч и смешных анекдотов, случавшихся на пути. К тому же влияние горного воздуха делало нас остроумнее, любезнее, и мы пользовались всем, чтоб посмеяться и пошутить. Барона Дельвига я никогда не видала таким милым и счастливым, а Глинка совсем забыл, что ему бывает грустно.

Лишь только мы выехали из Петербурга, как и начали смеяться; ямщик, везший нас до первой станции, на каждом повороте обращался к нам с вопросом – куда ехать? И когда мы спросили у него, как же он нанялся везти и не знает, куда ехать, он отвечал: «Так точно, я с тем и взялся, что не знаю куда». На границе уезда таможенный пристав осматривал наш багаж (которого, разумеется, не было: мы ехали на одни сутки), и я спросила у него, как зовут его начальника, офицера. Он сказал какое-то имя и отчество, я заметила ему, что не имя, а фамилию офицера я спрашиваю. «А, фамилию? Фамилия его Настасья Ивановна!»¹⁰⁰. Я, разумеется, донесла об этом важном известии моим спутникам, и нам опять было весело всю следующую станцию; жаль, что я теперь не помню названия всех станций, – а были преинтересные! Особенно смешили нас надписи на почтовых дворах, часто весьма замысловатые. Орест Михайлович Сомов описал это путешествие в «Литературной газете», издаваемой бароном Дельвигом, кажется, в 1830 или 31-м году. Хорошенько не помню. Помню, однако ж, что он, т. е. Сомов, назвал нас, меня и баронессу Дельвиг, «изящными произведениями природы».

Если хотите, можете справиться в «Литературной газете» того времени.

Таким образом мы приехали в Выборг, город, знаменитый своими кренделями, живописным замком и гостиницею синьора Мотти, у которого мы и остановились. При виде важной осанки спутников ее – то есть моего – превосходительства и такой большой свиты синьор Мотти принял нас с почестями, достойными каких-нибудь владетельных принцесс. Его итальянская напыщенная вежливость, подобострастные манеры и услужливость, несмотря на доuku, смешили нас до слез, а некоторых почти до истерики. Он состряпал нам ужин на славу: все было отлично приготовлено, в заключение же он явился сам с поклоном и с ужимками, ставя на стол два огромные канделябра. Вместе с ним вошла миловидная девушка с корзинкой свежих кренделей и на вопрос: точно ли они выборгские, – простодушно уверяла, что действительно выборгские. Мы долго шутили с Мотти, с нею, наконец разошлись спать.

Имея привычку не спать летом по ночам, я и эту ночь просидела у окна, любясь видом на залив, прислушиваясь к плеску тихих волн его и вздрагивая по временам от успокоительных возгласов городского сторожа, вскрикивавшего иногда под самым окном: «Спите, добрые граждане, я вас не бужу!» На заре появился на берегу залива, почти против окна, у которого я сидела, охотник с ружьем, он отвязал челнок и поплыл куда-то за дичью. Этим началась дневная деятельность в городе; вскоре и наша компания собралась в дорогу и, напившись горячего, отправилась к цели нашей поэтической прогулки.

Пополудни, часу в 4-м или в 5-м, мы услышали гул и шум Иматры и, несмотря что были голодны, испечены солнцем и запылены донельзя, забыли все путевые неудобства; а по предложению барона Дельвига, не доезжая до станции, вышли из экипажа и направились пешком в ту сторону, откуда неся шум водопада, чтоб при ясном дне взглянуть на это чудо природы – на великолепную Иматру. Тропинка, ведущая к водопаду, извивается по густому дикому лесу, и мы с трудом пробирались по ней, беспрестанно цепляясь за сучья. По мере приближения нашего к водопаду его шум и гул все усиливались и наконец дошли до того, что мы не могли расслышать друг друга; несколько минут мы продолжали подвигаться вперед молча, среди оглушительного и вместе упоительного шума... и вдруг очутились на краю острых скал, окаймляющих Иматру! Пред нами открылся вид ни с чем не сравненный; описать этого поэ-

¹⁰⁰ Слово «фамилия» финн-таможенник понял как «семья».

тически, как бы должно, я не могу, но попробую рассказать просто, как он мне тогда представился, без украшений, тем более что этого ни украсить, ни улучшить невозможно. Представьте себе широкую, очень широкую реку, то быстро, то тихо текущую, и вдруг эта река суживается на третью часть своей ширины серыми, седыми утесами, торчащими с боков ее, и, стесненная ими, низвергается по скалистому крутому скату на пространстве 70 сажен в длину. Тут, встречая препятствия от различной формы камней, она бьется о них, бешено клубится, кидается в стороны и, пенясь и дробясь о боковые утесы, обдаёт их брызгами мельчайшей водяной пыли, которыми покрывает, как легчайшим туманом, ее берега. Но, с окончанием склона, оканчиваются ее неистовства: она опять разливается в огромное круглое озеро, окаймленное живописным лесом, течет тихо, лениво, как бы усталая; на ней не видно ни волнения, ни малейшей зыби.

При своем грандиозном падении она обтачивает мелкие камешки в разные фантастические фигуры, похожие на зверей, птиц, часы, табакерки и проч. Мы то опускались, то подымались, то прыгали на утесы, орошаемые освежительной пылью, и долго восхищались чудным падением алмазной горы, сверкающей от солнечных лучей разнообразными переливами света. На некоторых береговых камнях написаны были разные имена, и одно из них было милое и нам всем знакомое Евгения Абрамовича Баратынского¹⁰¹. Увлечшись подражанием, и мы написали там свои фамилии. Противоположный берег казался нам еще живописнее: там виднелась тропинка, усыпанная песком; тот же, где мы были, был совершенно дик, а потому, не пускаясь вдаль, как предполагали прежде, мы пошли к экипажу, чтоб, поевши чего-нибудь или напившись чаю на станции, переехать на ту сторону реки и уже при луне полюбоваться Иматрою с другого ее берега. Мы так устали от езды и восхищения, что нам необходимо было подкрепиться пищею. На весьма ветхой станции чухонской постройки спросили мы самовар и велели достать чего-нибудь на ужин, приготовить его брались уже мы сами. Но – вообразите себе! – ничего не отыскалось нам на пропитание: ни курицы, ни даже одного яйца! По двору прохаживался весьма старый петух, но его мы не попытались добыть на жаркое; жаль было этой единой живой птицы. На все же наши вопросы касательно других съестных припасов нам говорили нет: яиц – нет, курицы – нет, молока – нет, сливок и подавно нет. Оказалась только плоховина (это, извольте видеть, рыба лоховина) и нечто вроде кваса, свадрик.

Для любителей кваса свадрик может быть очень приятным, даже очень здоровым питьем, потому что в состав его входят можжевельные ягоды. Итак, не добившись ничего, то есть ровно ничего, для утоления голода, мы решились переехать на ту сторону Боксы, где прямо у пристани красовался довольно большой дом, называемый гостиницею.

Нам сказали, что там найдем мы и готовый обед, и молоко, и все, что угодно. С этою заманчивою перспективою мы поплыли на ту сторону реки в огромной почтовой лодке, управляемой двумя стариками гребцами – двумя харонами. Лодка наша, направляемая их старческими руками, плыла вверх по течению; это было необходимо для того, чтобы ее не отнесло в водопад. Плавание шло медленно, и чем дальше подвигались мы вверх, тем движение становилось тише, потому что быстрота реки усиливалась от близлежащих порогов; наконец, у самих порогов, лодку нашу течением стало нести к тому берегу, где виднелась гостиница; другую половину переправы мы совершили очень скоро и почти без помощи стариков, которые, направив лодку как следует, положили весла и только у пристани взялись за них, чтобы причалить. Приставши к берегу, мы заметили влево от гостиницы прехорошенький домик, и, прежде чем отправиться в знаменитую гостиницу, в которой, несомненно, надеялись найти обед, забыв голод и усталость, мы пошли к домику, чтобы им полюбоваться. И что это был за милый домик! Маленький, уютный, чистенький, осененный свежою зеленью сада, он приветливо выглядывал из окружающих его утесов, покрытых мхами, и манил к себе на ближайшую скалу послушать

¹⁰¹ Е.А. Баратынский (1800–1844) в 1820–1826 годах служил в Финляндии рядовым Нейшлотского полка.

мелодический шум каскадов, во множестве и в разнообразных видах прыгающих вокруг него. Наглядевшись на домик, мы пошли наконец в гостиницу. «Соловья баснями не кормят», и, после всех восхищений, мы сильно чувствовали пустоту желудка, с самого утра ничем не подкрепленного. В гостинице нашлось несколько комнат с скамейками кругом; в одной из них стоял накрытый стол, а на нем – что бы вы думали?...селетки, селедки и селедки, приготовленные с молоком, и неизбежная соленая плоховина, плавающая опять-таки в молочном соусе! Прибавьте к этому, что эти кушанья до того были отвратительны на вид, что не только решиться утолить ими голод, но и прикоснуться к ним нам и на ум не приходило. Отыскав после многих поисков живое существо, мы спросили, нет ли молока, – нам отвечали, что есть всякое, даже кислое, мы очень обрадовались, предполагая встретить любимую всеми простоквашу, с которою баронесса Дельвиг сравнивала петербургское небо. Но, увы! мы и в этом жестоко обманулись: то была не простокваша, не кислое молоко, а проквашенная, испорченная, заплесневевшая зеленоватая гуща с нестерпимым запахом. Хоть бы хлеба достать! но вообразите: эти несчастные и о нем не имеют понятия; я у них не видела хлеба, он заменяется здесь, кажется, соленою и сушеною лоховиною, которую они едят походя: и в пищу и в лакомство. От этого, я думаю, и зубы у них испорчены, а около углов рта у всех белые пятна. Хотя между чухонцами и встречаются иногда красивые лица, особенно у женщин, но эти болезненные рты очень их портят.

Пока мы искали себе пищи, настал вечер, взошла луна, и мы, запив свой голод чаем, наняли тележки и поехали берегом к Иматре. У самого водопада луна выбралась из облаков и осветила прямо кипящие, бушующие волны! Эффект был неописанный! Иматра, осеребренная ее лучами, казалась чем-то фантастическим; невозможно было оторвать от нее глаз! Долго ходили мы по тропинке, усыпанной песком и грациозно извивающейся между деревьев, над клочущей пучиной: заманчивость и обаяние такой бездны были невыразимы. В некоторых из нас не шутя на миг мелькало желание броситься в нее. Мы поняли предание о русалках и убедились, что та, которая живет в Иматре, – очаровательна! Сильнее других бездна манила к себе Ореста Михайловича Сомова; отдавшись от нас, он распростерся на одном из выдавшихся утесов и так долго на нем забылся, упиваясь росой и обаянием чарующих волн, что мы насилу могли его дозваться.

Место близ Иматры, во время нашего посещения, было почти в диком состоянии, и если проявлялись кое-где некоторые удобства, то они были так маловажны, что можно было подумать, будто сама природа устроила их. Я слышала, что потом, с нашей легкой руки, вошло в моду ездить любоваться великолепным водопадом, что около него настроили гостиницы, кофейни, разные павильоны и тем отняли всю поэзию у чудной Иматры, так что никто, никто (мне отгадно это думать) не мог уже восхищаться ее дикими, нетронутыми красотами, как восхищалось наше общество. Правду сказать, что дружное это общество было недюжинное; в него входили: любящий, благородный, истинный поэт в душе Дельвиг и маленький, но чудный Глинка, заимствовавший, вероятно, множество оригинальных мотивов у гармонических, упоительных звуков водопада; наконец, и мы, остальные, чувствовали и понимали глубоко все красоты окрестной природы!

Возвратясь на станцию уже очень поздно, мы напились чаю и пошли спать, да так долго проспали, то есть мы, дамы, и Глинка тоже, что солнце было уже высоко, когда мы вышли на крыльцо и застали барона Дельвига, преважно заседающего за столом, накрытым белой скатертью, перед завтраком привлекательного вида. Он удосужился достать животрепещущую форель и некоторого рода сельдь, по его словам, очень вкусную; благодаря его распорядительности мы наконец могли поесть с удовольствием. Приглашая нас к завтраку, Дельвиг сказал четверостишие:

Увижу ль вас когда-нибудь,
С моею нежной половиной,

Увижу ль вас когда-нибудь,
О милый свадрик с плоховиной!

Позавтракав, мы поехали назад к Выборгу, но остановились, однако ж, чтобы еще в третий раз полюбоваться Иматрой. Солнце сияло прямо в лоно реки, водопад искрился золотом и огнем и был ослепителен: больно было смотреть. Прощай, Иматра, я, вероятно, уж больше тебя не увижу! Я прощаюсь с тобой навсегда, а когда мы были у берегов твоих, то каждый из нас давал себе и другим слово непременно опять когда-нибудь к тебе приехать!

Мы отправились обратно к линейке, а Глинка поехал с Сомовым в тележке. На одной станции, куда перепрягали лошадей, мы заметили, что Михаил Иванович с карандашом в руке и листком бумаги, стоя за полуразрушенным сараем, что-то пишет, а его возница перед ним поет какую-то заунывную песню. Передав бумаге, что ему нужно было, он подвел чухонца к нам и заставил его пропеть еще раз свою песню. Из этого мурлыканья чухонца Глинка выработал тот самый мотив, который так ласково и грустно звучит в арии Финна, в опере «Руслан и Людмила». Надобно было слышать потом, как Глинка играл этот мотив с вариациями и что он сделал из этих нескольких полудиких и меланхолических тонов! Когда Глинка однажды спел арию Финна в присутствии Сергея Львовича Пушкина, то старик при стихе:

По бороде моей седой
Слеза тяжелая скатилась,—

расплакался и бросился обнимать Глинку, и у всех присутствующих навернулись на глазах слезы... я не помню наслаждения выше того, какое испытала я в этот вечер!

Мы приехали в Выборг под вечер, но Дельвиг не дал нам перевести духа и потащил осматривать редкости Выборга и сад барона Николаи. Несмотря на всю усталость нашу, мы пошли туда пешком, в сопровождении дочери синьора Мотти, высокой черной итальянки, которая с охотой взялась нас туда проводить. Лишь только мы вступили в этот очаровательный сад, называемый, кажется, владельцем Мой отдых, усталость была забыта, и восхищение сопровождало каждый наш шаг. Пройдя мимо разных хозяйственных построек, мы очутились перед обширным прекрасным лугом с изумрудною шелковою травой и за ним на высоком холме увидели прелестный замок, обогащенный затейливыми и вместе грациозными украшениями архитектурного искусства. Он нам казался дорогой изящной игрушкой – самой тонкой работы; на лугу разбросаны кусты с душистыми роскошными цветами; тут же на самой середине стоит одна, всего только одна береза; но какая?.., просто прелесть! большущая, развесистая, способная тенью своей защитить целое общество от палящего солнца; ветви с каждой стороны падали как-то ровно и, расширяясь книзу, придавали ей вид зеленеющей пирамиды; вокруг нее ни лавочек, ни скамеек, никаких украшений, никаких затей. Она, как великолепная красавица, отошла от роскошного замка, остановилась, глядит издали, чтобы вдоволь налюбоваться им и выказать на просторе и свою красоту. Позади замка раскидывается роща. При входе в нее, в тени группы разнообразных деревьев, над источником нас ожидала замечательной красоты мраморная наядя.

Проводница рассказывала нам, что вода источника славится целебною силою, вкусом и свежестью; действительно, я такой вкусной воды отроду не пивала. Она холодна, чиста, как горный хрусталь, и много имеет в себе живительного. У источника роскошный куст роз; далее, у подошвы горы, на которой построен замок, виднеется темная бесконечная аллея; ее образуют с одной стороны огромные нависшие над нею утесы, с другой – высокие деревья, которых вершины, склоняясь к оконечностям утесов, составляют темный зеленый свод.

Утесы эти, покрытые, по большей части, разноцветными мхами и ползучими растениями, совершенно дики и местами изрыты пещерами, внутри которых каменные плиты достав-

ляют возможность отдохновения. Эта аллея – рай в жаркий день. В конце ее открывается море – море без конца. По кремнистому его берегу извивается тропинка, усыпанная песком. По этой тропинке есть несколько прелестных мест, в которых природа так изящно соединилась с искусством, что трудно оторваться от них. Одно осталось у меня в памяти: это грот, или просто пещера, приютившаяся под скалою на самом берегу моря. В расщелинах же скалы, среди мхов и диких камней, растут пышные розы. Много вкуса и любви к делу было в человеке, умевшем так прекрасно украсить этот уголок, не изуродовав природы, как это часто делается. Он, так сказать, только приголубил, приласкал ее и тем помог ей выказать еще рельефнее все свои красоты.

Тут же в море, в двух шагах от берега, островок, среди которого надгробный памятник владельца. Туда нас не пустили. Должно быть, хорошо там отдыхать тому, кто жил здесь. На все наши восторги и возгласы синьора Мотти заметила, что здесь было бы еще лучше, еще веселее, если бы играла военная музыка. На возвратном пути из сада я едва уже тащилась, да и не мудрено: две версты туда и назад, а в саду, может быть, версты три выходила! Это хоть кому впору в жаркий день, а мне и подавно: я никогда ходить не умела. Все наши давно пришли и совсем уже смерклось, когда я с своей итальянкой добралась до гостиницы. Подходя к ней, я увидела в нижнем этаже за прилавком синьора Мотти, наливающего что-то пенящееся из бутылки; мне очень захотелось пить, и я спросила у синьоры, что это такое? «Это папенька пьет свадрик своего изделия», – сказала мне спутница. «Пожалуйста, попросите у него для меня». И синьор Мотти, исполняя мое желание, подал мне полный стакан пенящейся живительной влаги в окно. Признаюсь, я никогда ничего не пила с таким удовольствием и часто, вспоминая это питье, дивлюсь, как в Петербурге не вздумают его готовить: это было бы гораздо здоровее, приятнее и дешевле всякого пива. Мы переночевали еще раз в Выборге и возвратились в Петербург 1-го июля, в день рождения покойной государыни императрицы Александры Федоровны. Я помню это потому, что, усталые от всего испытанного, попеченные солнцем, запыленные, мы спешили домой освежиться и отдохнуть, но, вместо желанного покоя, попали в ряды тянувшихся на гулянье экипажей. Нас на Самсоньевском мосту поворотили назад и в запыленном, истерзанном виде заставили прокатиться по островам между блестящих городских колясок и карет и разряженных дам. При этом случае нас очень насмешил один полицейский чиновник, которого мы просили, ради бога, пропустить нас. На все наши просьбы он отвечал только: «Так как, по-видимому, вы уже очень много проехали, то вам теперь уж немного осталось!» Нечего делать! Поехали далее скрепя сердце: за такие наслаждения, какие мы испытали в эту прогулку, можно было вытерпеть все безропотно.

По возвращении в Петербург Глинка посещал нас по-прежнему и познакомил нас с певцом Ивановым. Вскоре потом Глинка повез его в Италию, где Иванов приобрел европейскую известность¹⁰². Бывая у Дельвига, Иванов пел его Соловья и своим мягким, симпатичным голосом придавал этому романсу ту прелесть и значение, которых жаждал поэт. В это предпоследнее, кажется, лето жизни Дельвига все приятное сгруппировалось вокруг него, чтобы усладить последние годы его земного существования. Все, что он любил, что тешило, счастливо его, как бы предчувствуя скорую с ним разлуку, стремилось к нему, и он, среди тишины семейной жизни, услаженный друзьями, поэзией и музыкою, мог назваться счастливейшим из смертных.

В это же время мечта его жизни осуществилась: у него родилась дочь¹⁰³. Приветствуя его с этою радостью, князь Вяземский сказал: «Поздравляю тебя с новою юною Идиллией и желаю ей в свое время сделаться древнею». К довершению всех этих задушевных наслаждений,

¹⁰² Певец *Иванов* Николай Кузьмич (1810–1880) весной 1830 года вместе с Глинкой уехал в Италию для усовершенствования и отказался вернуться в Россию, несмотря на требования Николая I. С большим успехом пел в Италии, Франции и Англии. Глинке дружеское участие в судьбе Иванова и содействие его отъезду за границу доставило серьезные неприятности.

¹⁰³ Дочь Дельвига Елизавета Антоновна родилась 7 мая 1830 года (скончалась в 1913 г.).

на ту пору вблизи нашей дачи, на берегу Невы жил на своей даче Дмитрий Львович Нарышкин¹⁰⁴, и его знаменитая, известная всей Европе роговая музыка была и для нас большим наслаждением. В праздничные дни она играла подле балкона, на котором сидел Дмитрий Львович, глядя на публику, гулявшую близ его дома по дорожкам между цветов. По будням же она разъезжала тихо в большой лодке по Неве и своими чарующими звуками, далеко разносившимися по реке, доставляла удовольствие тысячам людей. Беднейший из любителей музыки мог ежедневно слышать бесплатно восхитительный концерт. Так настоящий аристократ, русский бария, умел пользоваться своим богатством и делиться с другими изящными своими наслаждениями. Я имела привычку отдыхать после обеда и всегда пробуждалась под звуки этой дивной музыки.

Я сказала уже, что Михаил Иванович Глинка был такого милого, любезного характера, что, узнавши его коротко, не хотелось с ним расставаться, и мы пользовались всяким случаем, чтобы чаще его видеть.

Однажды он рассказывал нам, что у него прекрасная квартира, кажется, в Измайловском полку, и презанимательный сад с беседками, киосками, надписями и сюрпризами. Мы устроили так, что он пригласил весь наш кружок к себе на чай. Когда мы приехали к нему, он тотчас повел нас в сад и там угощал фруктами, чаем и своей музыкой. Много мы шутили и долго смеялись над одною из надписей на беседке его садика: «Не пошто далече и здесь хорошо». В конце этого счастливого лета мы еще сделали поездку в обществе Глинки в Ораниенбаум. Там жила в то лето нам всем близкая по сердцу, дорогая наша О.С. Павлицева, она была больна и лечилась морским воздухом и купаньями. Мы тоже там выкупались в море все, кроме Глинки и барона Дельвига. Первый начинал уже чувствовать разные припадки, которые заставляли его уезжать по зимам в Италию. Ради правды нельзя не признать, что вообще жизнь Глинки была далеко не безукоризненна. Как природа страстная, он не умел себя обуздывать и сам губил свое здоровье, воображая, что летние путешествия могут поправить зло и вред зимних пирушек; он всегда жаловался, охал, но между тем всегда был первый готов покутить в разгульной беседе. В нашем кружке этого быть не могло, и потому я его всегда видела с лучшей его стороны, любила его поэтическую натуру, не доискиваясь до его слабостей и недостатков. Богатые дарования этого маленького человека (Глинка был гораздо меньше обыкновенного среднего роста мужчины) чрезвычайно были привлекательны, и самый его ум и приятный характер внушали и дружбу и симпатию.

Барон Дельвиг тоже купаться в море не решился вследствие мнительности; он тогда все кушал какие-то пилюли отвратительного запаха и беспрестанно лечился от воображаемых болезней у разных эмпириков. Это-то, я думаю, и расстроило его здоровье и крепкую организацию и отняло у нее силы бороться с настоящею болезнью, когда она приключилась! Глинка, предполагая ехать в Италию, начал учиться итальянскому языку; так случилось, что и на нас с баронессою Дельвиг напала охота заняться тоже итальянским языком, и тут-то резко обозначился контраст между способностями обыкновенными и способностями высокого таланта, каков был Глинка. Пока мы в два месяца, занимаясь ежедневно у Лангера, товарища Дельвига и Пушкина по Лицею, едва выучились читать и говорить несколько слов, Михаил Иванович уже говорил бегло, быстро, с удивительно милым итальянским произношением, без иностранного акцента. Хотя способность к языкам и составляет принадлежность русских, хотя и говорит где-то Эжен Сю: «Она говорила по-французски как русская! — но все-таки быстрота, с какою Михаил Иванович усвоил знание итальянского языка, изумила нас. Он впоследствии владел хорошо и испанским языком.

¹⁰⁴ Нарышкин Дмитрий Львович (1758–1838) – камергер, владелец лучшего в России оркестра роговой музыки, состоявшего из крепостных музыкантов.

Вскоре после этого Глинка уехал за границу, и когда возвратился, чтобы переменить паспорт, намереваясь остаться в России только на сутки, то встретился с хорошенькой девушкой Ивановой¹⁰⁵. Он был, как все поэты, мягкосердечен, впечатлителен, а потому с одного взгляда влюбился в нее и, не долго думая, вместо того чтобы переменить паспорт и ехать за границу, женился. После этого я долго его не видала; он получил место при императорской капелле¹⁰⁶

¹⁰⁵ М. И. Глинка женился на Марии Петровне Ивановой в апреле 1835 года; брак оказался крайне неудачным, и в 1839 году Глинка оставил жену, возбудив дело о разводе. Официальный развод был им получен только в 1846 году, хотя жена его еще в 1841 году тайно обвенчалась с камер-юнкером Н.Н. Васильчиковым, скрыв, что она замужем.

¹⁰⁶ Капельмейстером придворной певческой капеллы М. И. Глинка служил с января 1837 года по декабрь 1839 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.